

В помощь учителю

Протоиерей
Сергий Гомаюнов

**ЧЕЛОВЕК И БОГ
В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ
«ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ»**

Серия: *Обществознание*

Вятка
2022

ББК 74.266.32 – 27 + 86.372 – 681
УДК 372.893 (072) + 372.82 (072)
Г. 64

Г.64 Гомаюнов С. А., прот. Человек и Бог в школьном курсе «Обществознание». – Вятка [Киров] : Буквица, 2022. – 76 с. – (В помощь учителю. Серия: Обществознание).

ISBN

«Обществознание» является предметом, призванным формировать мировоззрение учащихся. Однако важнейшая тема «человек и Бог» лишь поверхностно затрагивается в учебниках 6–10 классов. Настоящее пособие помогает учителю вести диалог с сомневающимися, колеблющимися и даже отрицающими бытие Бога.

ББК 74.266.32 – 243 + 86.372 – 681
УДК 372.893 (072) + 372.82 (072)

© Гомаюнов Сергей, протоиерей; текст, 2022
Издательство «Буквица», макет, 2022

НЕНАПИСАННАЯ ГЛАВА (вместо введения)

«Человек – биосоциальное существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе общественного производства»

«Обществознание», 10 класс

*«Что есть человек, что Ты помнишь его?
Или сын человеческий, что Ты посещаешь его?
Умалил Ты его лишь немногим пред ангелами,
славою и честью увенчал его; и поставил его
над творением рук Твоих, всё покорил под ноги его...
Господи, Господь наш, как же чудно имя Твоё по всей земле!»*

Псалом 8

Поделюсь мечтой. Мне очень бы хотелось, чтобы школьные учебники по предметам, имеющим прямое назначение – формировать мировоззрение учащихся, были авторскими в полном смысле этого слова. Конечно, на обложке каждого учебника есть имена тех, кто их написал, но в учебниках нет их личной позиции. Без этого нельзя вступить

в диалог с автором, потому что он скрывается за веером разнообразных мнений по тому или иному вопросу. Своей позиции он открыто не обнаруживает, глубоко запрятав её в материал учебника. Но мировоззренческие вопросы требуют разговора от первого лица. В этом проявляется уважение к собеседнику, создаётся возможность культуры обсуждения, дискуссии. Автор, не скрывающий своей позиции, не будет прятаться за ничего не значащими формулировками: «наука доказала» или «современная философия считает». Наука — она разная, и философия разная. И ты должен сказать: «среди научных решений этой проблемы наиболее авторитетным для меня я считаю мнение таких-то учёных, потому что...». Или: «философы по-разному смотрят на этот вопрос, мне близка точка зрения такого-то мыслителя».

Парадигма авторов учебников иная. Считается, что текст учебника должен «раздать всем сёстрам по серьгам» и отправить ученика в свободное плавание, где он сам выберет себе маршрут. Спросите: а разве можно как-то по-другому в основополагающих вопросах, таких, например, как «человек и Бог»? Можно и нужно по-другому.

Авторы учебников по «Обществознанию» поставили себя в сложное положение. Они по своему мировоззрению — атеисты или сомневающиеся. Атеистическая основа предмета «Обществознание» сформировалась ещё тогда, когда он назы-

вался «Обществоведением», то есть в советские времена. Либеральный подход последних десятилетий заставил допустить право на существование верующих людей. О них в учебниках говорится, хотя достаточно обтекаемо, часто с фактическими ошибками. Да и ныне действующая редакция Конституции Российской Федерации гласит: «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство». Не учитывать это нельзя.

Верующие есть. А вот есть ли Бог, в Которого они верят? Авторы учебников не хотят ставить этот вопрос, потому что они для себя на него ответили, однако свою точку зрения публично не обнаруживают, чтобы, как считается, никого не обидеть.

Но предположим две различные ситуации, когда мировоззренческая позиция преподавателя открыта перед учащимися. Первая: автор человек верующий. Он скажет: «Бог есть, но не все люди это признают», — и засвидетельствует, на чём основана его вера. Вторая: автор человек неверующий. Он заявит: «Есть люди, считающие реальным существование Бога, но я с этим не согласен», — и приведёт свои аргументы. В обоих случаях эта мировоззренческая ясность преподавателя может

вывести обсуждение на тот серьёзный уровень, который позволит ученику начать формировать свою позицию в главном для человека вопросе.

Но в учебниках по «Обществознанию», кажется, никакой позиции нет: есть верующие и есть неверующие, а о Боге ничего сказать не можем. Однако на самом деле позиция существует. Если вы ничего не можете, точнее, не хотите сказать о Боге, вы всё равно, говоря о человеке, проявите свою позицию и по отношению к Богу хотя бы многозначительным умолчанием. Сравните две цитаты, вынесенные в эпиграф.

Я хотел бы помочь неверующим авторам со всей серьёзностью поднять проблему своего неверия, написать ненаписанную ими главу в учебник «Обществознание» о драме людей, для которых пока что закрыт путь личного познания Бога. Вера — это не слепое доверие мнению, с которым я соглашаюсь без доказательств. Верю человек открывает доступ Бога к себе. Но иногда человек опускает завесу и не допускает Бога к себе. Какие обстоятельства подвигают человека так поступить? Можно ли помочь завесу поднять? Об этом данное пособие.

ВЕДАЮТ, ЧТО ТВОРЯТ

Но сначала о тех, кому помочь невозможно. Можно помочь сомневающемуся. Есть шанс помочь атеисту, отвергающему бытие Божие. Они могут искренне заблуждаться, чего-то не знать. Распинаемый на Кресте Господь наш Иисус Христос молился о таких: «Отче! Прости им, не знают, что делают» (Лк. 23:34), не ведают, что творят.

Но есть те, кто ведает. Накануне Своих Крестных страданий Иисус Христос рассказал притчу о злых виноградарях. Слушателями были те, кто замыслил Его убийство. Господу открыты их планы, но ничто их не останавливает.

«Выслушайте другую притчу: был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше преж-

него; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пойдём, убьём его и завладеём наследством его. И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои» (Мф. 21:33–41).

Хозяин виноградника – Бог. Злые виноградари – те, кто не захотел служить Богу и присвоил себе Его достояние. Обратим внимание: после того, как виноградари расправились с посылаемыми к ним слугами господина, они увидели, что к ним идёт наследник, здесь – это Сын Божий Иисус Христос. И виноградари не приняли Его за очередного слугу. Они безошибочно узнали: «Это наследник; пойдём убьём его». Пошли и убили. Убили не потому, что ошиблись, обознались. Убили именно потому, что узнали. Они ведали, что творят.

Первым из таких в истории человечества был Каин, старший сын Адама и Евы. Каин – верующий человек, его вера основана на опыте личного общения с Богом. И преступление, которое совершил Каин, убив своего брата Авеля, началось с намерения послужить Богу принесением Ему жертвы от своих трудов. Бог не принял его жертву,

потому что она принесена была от разделённого сердца. В духовном отношении в сердце Каина отводилось место Богу, но там же была область духовной жизни, в которую Каин Бога не допускал. Такая область не может принадлежать только человеку. Если человек куда-то не допускает Бога, туда войдёт дьявол. Так и произошло.

«И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел» (Быт. 4:5). Тогда дьявол стал забирать свои права над Каином, и в сердце Каина начал вызревать преступный замысел против брата.

«И сказал Каин брату своему: пойдём в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт. 4:8). Для того, чтобы мы не приняли случившееся за бытовое убийство на почве зависти, апостол Иоанн Богослов разъясняет: «Таково благовествование, которое вы слышали от начала, чтобы мы любили друг друга, не так, как Каин, который был от лукавого и убил брата своего» (1 Ин. 3:11–12). Каин был от лукавого, то есть послушал дьявола и убил Авеля (по церковнославянски: заклал, принёс в жертву). Авель стал первым из людей, невинно пострадавшим во образ невинного Страдальца Иисуса Христа.

На этом история Каина не заканчивается. Бог продолжает разговаривать с Каином: «Где Авель, брат твой?» Бог знает, где тело убитого Авеля, и Каин знает, что Бог всё знает. Слово Божие, об-

ращённое к Каину, имело цель подвинуть его к покаянию. Но Каин дерзко и нагло врёт в лицо Господу: «Не знаю; разве я сторож брату моему?» (Быт. 4:9), – и тем отвергает путь покаяния.

Получив наказание от Бога, Каин не смиряется, но идёт дальше. Он вознамерился обустроить жизнь, в которой Богу места нет совсем. Для этого Каин не стал бегать от Бога, но пошёл против Него. Каин – не атеист, заявляющий, что Бога нет. Он опытно знает, ведаёт, что Бог есть. Но именно потому, что Бог есть, Каин идёт против Него. Он не безбожник, он – противобожник. Такому помочь обрести веру нельзя, он её имеет, но это вера, о которой апостол Иаков сказал: «И бесы веруют, и трепещут» (Иак. 2:19).

Любовь к себе до ненависти к Богу. Каин стал основоположником духовного сообщества каинитян, которое никогда не исчезало в истории человечества. Духовное состояние каинитянина описал Ф. М. Достоевский, вложив это в слова, произнесённые падшим духом Ивану Карамазову:

«По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человеке идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело!.. Раз человечество отречётся поголовно от Бога.., то само собою... падёт всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни всё, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только

здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог. Ежечасно побеждая уже без границ природу, волею своею и наукой, человек тем самым ежечасно будет ощущать наслаждение столь высокое, что оно заменит ему все прежние упования наслаждений небесных. Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как бог... Любовь будет удовлетворять лишь мгновению жизни, но одно уже сознание её мгновенности усилит огонь настолько, насколько прежде расплывалась она в упованиях на любовь загробную и бесконечную... Новому человеку позволительно стать человеко-богом, даже хотя бы одному в целом мире, и уж, конечно, в новом чине, с лёгким сердцем перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежнего раба человека, если оно понадобится. Для бога не существует закона! Где станет бог – там уже место божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... “всё дозволено” и шабаш!»

В духовной войне каинитян против Бога и Церкви не меняется их позиция, потому что они сознательно отвергают то единственное, что может возвратить человека к Богу – покаяние, и так же сознательно принимают последствия своего выбора: «Не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12:32).

«ВЕРУЮ, ГОСПОДИ, ПОМОГИ МОЕМУ НЕВЕРИЮ»

Атеист – не каинитянин. Атеист утверждает, что Бога нет. Таково состояние его ума, о котором Священное Писание говорит: «Сказал безумный в сердце своем: “Нет Бога”» (Пс. 13:1). Библия не оскорбляет атеиста. Она разъясняет: ум человека способен по дару Божию восходить к познанию Его. Но с человеком что-то случилось, и его ум сосредоточился на земном, перестал служить богопознанию, потерял полноту своих возможностей, стал «не вполне ум». Отсюда – «безумный».

На самом деле значительная часть людей, не чувствующих в себе опоры в Боге, не является атеистами. Они легко могли бы узнать себя в одном евангельском рассказе.

«Один из народа сказал: Учитель! я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым: где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет. Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли. Отвечая ему, Иисус сказал: о, род неверный!

доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? Приведите его ко Мне. И привели его к Нему. Как скоро бесноватый увидел Его, дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену.

И спросил Иисус отца его: как давно это сделалось с ним? Он сказал: с детства; и многократно дух бросал его и в огонь, и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам. Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь верить, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию.

Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него.

И, вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел; и он сделался, как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал» (Мк. 9:17–27).

«Верую, Господи, помоги моему неверию». В этих словах отсутствует логика, требующая однозначного выбора: верую или не верую. Но в них есть реальный опыт самоощущения многих людей.

Кем был Антон Павлович Чехов: верующим или неверующим? Одни исследователи легко найдут в творческом наследии писателя подтверждение о его неверии. Свою роль в этом сыграли негативные впечатления детства. Отец строго и даже

жёстко воспитывал детей, не считаясь с их реальным духовным состоянием. В одном из писем Чехов вспоминал: «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание — с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своём детстве, то оно представляется мне довольно мрачным, религии у меня теперь нет. Знаете, когда, бывало, я и два моих брата среди церкви пели трио “Да исправится” или же “Архангельский глас”, на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками».

В своих письмах, дневниках Чехов много критикует священнослужителей, сетует на отсутствие в русской литературе сатиры на духовенство, избегает рассуждать публично о вечной жизни. К концу жизни он прямо заявлял: «Религии у меня теперь нет... Я давно растерял свою веру».

В то же время назвать его убеждённым атеистом тоже нельзя. Многие его произведения пронизаны не только знанием церковного уклада, но и явным сочувствием к верующим героям, например, в рассказах «Архиерей», «Студент». Чехов много жертвовал на храмы, духовные учебные заведения. С огромным уважением отзывался о праведном Иоанне Кронштадтском.

Подлинное его отношение к проблеме веры и неверия нашло отражение в дневниковой записи: «Между *“есть Бог”* и *“нет Бога”* лежит громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец». Сам он был застигнут смертью на пути от одного края поля к другому.

Евангельский рассказ о несчастном отце и его словах: «Верую, Господи, помоги моему неверию», — был предметом размышления Ф. М. Достоевского. Он тоже знал периоды сомнения и укрепления в вере и считал, что если человек не может отнести эти слова к себе, то он не христианин.

В человеке одновременно может жить вера и неверие, пропорции определить невозможно. То, что вчера во мне казалось достаточным, чтобы называться верой, сегодня может оказаться маловерием или почти неверием. Евангелист Матфей, который рассказывает об этом же случае с отцом и его бесноватым сыном, добавляет следующее. Ученики Христовы не могли изгнать нечистого духа из отрока, пока сам Христос не сделал это. Оставшись наедине, они спросили: «Почему мы не могли изгнать его?» Иисус же сказал им: «По неверию вашему» (Мф. 17:19–20). Разве были апостолы неверующими? Конечно, нет. Но вера живая должна расти, укрепляться, в том числе в подвигах и трудах. Того, что вчера было полным, мне хватало, сегодня уже недостаточно. Потому апостолы и просили у Иисуса Христа: «Умножь в нас веру» (Лк. 17:5).

Сомнения в вере не по убеждению, а по духовному самочувствию присущи сегодня многим людям старшего поколения, мировоззрение которых сложилось в советскую эпоху. Они учились в школе, где существовала тотальная система пропаганды атеизма, все предметы преподавались с позиций материализма, литература и искусство высмеивали всякое проявление веры. Заходя в храм, они чувствуют себя неловко, ничего не понимая, не зная, как себя вести. «Нас этому не учили», — говорят они, словно оправдываясь. Но атеисты ли они? Далеко не все. Они умели жить и трудиться на совесть, стыдились мерзости греха, отдавали свою жизнь за других, как это сделали миллионы в годы Великой Отечественной войны.

Осторожно надо относиться и к статистике по молодёжи. Некоторые опросы утверждают, что 48% молодых людей в нашей стране — атеисты. И здесь чаще всего встречается не столько убеждение, сколько незнание, иногда откровенное невежество в вопросах веры, отсутствие желания узнавать.

От атеистов по самочувствию следует отличать атеистов по убеждению. Их атеизм апеллирует к доводам разума.

ФИЛОСОФСКИЙ АТЕИЗМ

Пропасть между Откровением и познанием мира человеческими усилиями воспринималась ранними христианами как непреложная истина. «Итак: что Афины – Иерусалиму? Что Академия – Церкви?» – задавал риторический вопрос Тертуллиан (III в.). Между Откровением и знанием, основанным на логике и обыденном здравом смысле, он бескомпромиссно выбирает первое: «Credo quia absurdum est» (верую, ибо это абсурдно).

Отпадение западного христианства от восточного Православия и последствия этого в духовной жизни Западной Церкви породили иное понимание соотношения Откровения и рационального познания. Средневековая западная теология берёт на вооружение лозунг Ансельма Кентерберийского (XI – начало XII вв.) – «credo ut intelligam» (верую, чтобы понять). И уже его ученик Пётр Абеляр идёт ещё дальше: «intelligo ut credam» (понимаю, чтобы верить).

Три утверждения – это ступени эволюции западного христианства по пути к рождению сна-

чала философского, потом научного и, наконец, идеологического атеизма. Оскудение и искажение духовной жизни вызывали необходимость усиливать роль рационального знания в обосновании веры. Так появляется богословская тема: «доказательства бытия Бога». Признанным авторитетом в этой области стал Фома Аквинский (XIII в.), богослов, «князь философов», как его называли современники. Ему принадлежат пять доказательств существования Бога.

1. Всё движущееся когда-либо было приведено в действие чем-то другим, которое, в свою очередь, было приведено в движение третьим. Первопричиной же всего движения является Бог.

2. Так как ничто не может произвести самого себя, то существует нечто, что является первопричиной всего произведённого. Это Бог.

3. Всякая вещь имеет возможность как своего потенциального, так и реального бытия. Должно быть нечто, что переводит вещь из потенциального в актуальное состояние. Это Бог.

4. У людей есть представление о различной степени совершенства предмета. Значит, существует самое красивое, лучшее, совершенное. Это Бог.

5. В мире наблюдается целесообразность деятельности разумных и неразумных существ. Следовательно, существует разумное существо, которое полагает цель для всего, что есть в мире. Это Бог.

Немецкий философ Иммануил Кант (XVIII – начало XIX вв.) сформулировал шестое доказательство бытия Бога. Вкратце его рассуждение таково. В мире действуют причинно-следственные связи. И только человек, обладающий свободой, в некоторые моменты не подчиняется этому закону. Значит, человек, обладающий свободой, имеет причастность иному бытию, в котором действует не принцип детерминизма, а принцип свободы, любви, законы морали. И этот иной мир – мир Божий.

Здесь важно даже не то, насколько убедительны рациональные аргументы для доказательства бытия Бога. Сама необходимость доказывать бытие Бога говорила о серьёзном оскудении веры в западном христианстве. Западная мысль присвоила исключительное право познания только человеческому разуму и отказалась видеть в вере другую познавательную способность человека, которая действует за естественными пределами разума, познаёт то, что разуму недоступно. Только в православной традиции осталась область религиозной философии, которая своим основанием полагала веру и осмысливала знание, даваемое ею (А. С. Хомяков, братья С. Н. и Е. Н. Трубецкие, И. А. Ильин и другие).

В западной же мысли неизбежный перевод проблемы из богословия в сферу философии привёл к тому, что Бог занял место одной из философских

концепций, с которой можно не соглашаться, оспаривать и даже формулировать рациональные доказательства небытия Бога. И уже философ конца XIX в. Фридрих Ницше в своей книге «Весёлая наука» объявил: «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!»

Умер «философский Бог». Дальше оставался один шаг от атеизма до сатанизма. Горькой иронией над рациональными усилиями доказательств бытия Бога стало «седьмое доказательство» (название главы романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Автор его — Воланд, который спрашивал атеистов уже не о Боге, а о себе: «А дьявола тоже нет?.. Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет... Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует! Имейте в виду, что на это существует седьмое доказательство и уж самое надёжное! И вот оно сейчас будет предъявлено». Отвергающий бытие Бога обязательно познакомится с его противником. Философский атеизм лёг в основу сатанинской идеологии и политики в тех странах, которые прежде относили себя к христианским цивилизациям. «Седьмое доказательство», доказательство от противного, является сильнейшим аргументом против философского атеизма, утверждающего, что ничего и никого за пределами материального мира нет.

Лишив человека Бога, философия лишает человека его самого. Сегодня набирает силу современ-

ное учение о человеке – трансгуманизм. Впрочем, современным его можно назвать условно. Цель трансгуманизма – обосновать создание человека, имеющего новую природу, ставили перед собой ещё ветхозаветные вавилонские строители. Они имели намерение: «Построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли» (Быт. 11:4).

«Башня до небес» – это стремление овладеть небесными началами земной жизни, стать «как бог». Но человек чувствует в себе наличие того, что ему не принадлежит, над чем он не имеет власти, и значит, не может быть абсолютно свободным в реализации собственных притязаний. Человека человеком сотворил Бог, дав ему неуничтожимое внутреннее начало – Свой образ: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его». Бог дал человеку и его природное основание: «мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). Имя человеку «человек» тоже дал Бог: «И нарек им имя: человек, в день сотворения их» (Быт. 5:2). Согласно библейскому мировоззрению, то, что именует Бог, не во власти человека. Человек принадлежит не себе, но Богу.

Современные трансгуманисты также, как ветхозаветные вавилонские столпотворители, оформляя новый миропорядок, хотят «сделать себе имя», то есть стать новым человеком, имеющим иную природу, абсолютно распоряжаться и собою,

и всем миром. Такой человек должен порвать со всем, что ограничивает его свободу: с исторической преемственностью, религией, моральными ценностями, семьёй, половой идентификацией, с отнесением себя к родине, то есть со своим библейским основанием.

Является ли философия трансгуманизма атеистической? Нет. Её задача – совершить подмену смыслов: вместо библейского понимания человека дать иное. Каким оно будет? В греческом языке приставка «анти» означает не только «против», но и «вместо». Библейское понимание человека краеугольным камнем имеет Иисуса Христа как совершенного Бога и совершенного Человека. Философия трансгуманизма направлена не только против Христа, но и утверждает о появлении нового человека, человека «после Христа», краеугольным камнем для которого будет тот, кто вместо (анти-) Христа.

НАУЧНЫЙ АТЕИЗМ

«Наука доказала». Для современного человека всё, что последует за этим посылом, является непререкаемой истиной, в том числе и утверждение: «наука доказала, что Бога нет». На самом деле так утверждает не наука, а научный атеизм, который не имеет ни к науке, ни к её истории никакого отношения.

Своим рождением наука, как определённый метод познания мира, обязана христианству. Её антропологическим основанием стало укоренившееся в христианском менталитете представление о человеке, сотворённом Богом таким, чтобы не только жить в мире, но и познавать мир.

Становление науки в её современном понимании приходится на так называемую научную революцию XVI — начала XVIII вв. К тому времени западноевропейское христианство даже в богословии всё более делало упор в познавательной деятельности на рациональное познание. Отсюда и рождается наука, обосновавшая свой метод познания, благодаря которому полученный науч-

ным способом результат считается объективным (независимым от познающего субъекта), формализуемым (способным к соединению со всей совокупностью уже имеющегося научного знания) и доказуемым (имеется в виду возможность повторения процедуры получения результатов).

С самого начала наука ограничила пространство, где она прилагала свои усилия. Из области научного рационального познания исключались вопросы о бытии Бога и духовного мира, сущности материального мира в целом и каждой его части в отдельности, вопросы о смысле и цели истории этого мира. Наука сосредоточилась на свойствах материального мира, отношениях всего, что в этот мир входит, стараясь познать законы бытия и описать их на языке строгой логики и, если возможно, математики.

Но даже при всём этом наука долгое время признавала свою связь с христианством. Ни одна религиозная традиция, в том числе античная, которой европейская культура была многим обязана, не даёт базового для науки основания. Оно есть только в христианстве. Представление о том, что Бог сотворил мир как объективно существующую реальность, подчинил её законам и константам, актуальным для любой точки пространства и времени нашей вселенной и «написал» их на языке, доступном познанию человека, являются аксиомой. Поэтому среди отцов-основателей современ-

ной науки атеистов не было. Некоторые из них свои научные открытия считали достойным приношением Богу. Например, Исаак Ньютон, один из классиков науки, работая над фундаментальным трактатом «Математические начала натуральной философии», так описывал свою мотивацию: «Мне хотелось найти такие начала, которые были бы совместимы с верой людей в Бога; ничто не может доставить мне большее удовлетворение, чем сознание того, что мой труд оказался не напрасным».

Откуда же взялось наше представление о том, что «наука доказала: Бога нет»? Из той трагедии, которая произошла с наукой в XVIII–XIX веках. Атеизм действительно прочно обосновался в науке, но пришёл он туда не из научных открытий, которые сами по себе ничего не могут сказать о бытии Бога, но из атеистической философии, которая постепенно овладевала мировоззрением научного сообщества, терявшего свою живую связь с христианским образом жизни.

Исследователи научного метода познания указывают на огромную роль так называемого концептуального предпосылочного знания, укоренённого в мировоззрении учёного и влияющего на интерпретацию полученных им результатов. Иными словами, не результаты научных исследований формируют мировоззрение учёного, а мировоззрение учёного встраивает результаты его трудов в некоторую общепринятую и для учёного ставшей

своей картину мира. Поэтому в истории науки на всём её протяжении среди учёных, имеющих мировую известность, были и атеисты, и глубоко верующие люди. И только атеизм, ставший идеологией, закрепил тезис о том, будто наука доказала, что Бога нет и дальнейшее развитие науки поможет человечеству избавиться от иллюзий, насаждавшихся религией.

А ведь действительно, если бы удалось подтвердить гипотезу о том, что с развитием науки в самом научном сообществе растёт доля атеистов, это могло бы стать серьёзной победой научного атеизма. И такое исследование состоялось. Его результаты удовлетворяют строгим требованиям репрезентативности.

В 1914 г. американский учёный Джеймс Генри Леуба, специалист в области религиозной психологии провёл масштабное исследование. Методом случайной выборки он произвёл опрос учёных. Его интересовали следующие вопросы:

— верите ли вы в личного Бога (то есть в существование Бога как Личности, а не как философской идеи);

— верите ли вы в личное бессмертие;

— желаете ли вы личного бессмертия.

Оказалось, что 42% учёных имели веру в личного Бога. Более 50% верили в личное бессмертие, но только 34% желали бы для себя личного бессмертия.

Леуба предположил, что мощное развитие науки в XX в. должно привести к резкому снижению доли верующих учёных в научном сообществе. В частности, он прогнозировал, что верующих в личного Бога учёных по самым оптимистичным прогнозам должно быть не более 10%.

Наука в XX в. действительно совершила огромный рывок во всех областях научного познания. Появились новые отрасли науки, такие, как исследование микромира, астрофизика, генетика и другие. Человек с помощью науки шагнул в космос. Научные достижения прочно вошли в сознание и быт людей.

И вот, в 1996 г. был проведён повторный эксперимент. Оказалось, что в личного Бога верит около 40% учёных, количество верующих в личное бессмертие снизилось до 38%, также незначительно снизилось и число тех, кто личного бессмертия желал. В главном же вопросе о существовании Бога-Личности изменений практически не произошло.

Интересно, что и в 1914 г., и спустя 82 года самыми верующими оказались математики, самыми неверующими — биологи, но к концу XX в. процент верующих биологов стал выше.

Главный вывод, к которому пришли организаторы эксперимента, был таков: наука сама по себе не уводит от Бога. Она лишь помогает тому, кто хочет верить, или используется не по назначению

тем, кто вне науки избрал мировоззренческую позицию: Бога нет. А «научный атеизм» – это бессмысленное словосочетание, которое держится только за счёт массивированной поддержки богоборческого проекта.

Современная наука всё чаще выходит к самым границам своих возможностей в изучении материального мира и ставит вопросы о соотношении науки и религии. Одним из первых, кто вновь вернул науку в область диалога не с атеизмом, а с религией, был выдающийся учёный-физик XX в. Макс Планк. Приведём некоторые его мысли из доклада «Религия и естествознание», прочитанного в Дерптском университете в 1937 г.

«Религия и естествознание сталкиваются в вопросе о существовании и сущности Высшей Власти, господствующей над миром. Ответы, которые они здесь дают, до известной степени сопоставимы друг с другом. Как мы видели, они вовсе не противоречат друг другу в утверждениях, что, во-первых, существует разумный миропорядок, независимый от человека, и, во-вторых, что сущность этого миропорядка нельзя непосредственно наблюдать, а можно лишь косвенно познать или предположить его наличие... Ничто не мешает нам отождествить (а наше стремление к познанию, нуждающееся и в едином мировоззрении, даже требует этого) две повсеместно действующие и, тем не менее, таинственные силы – миропорядок естествознания и Бога религии...

И религия, и естествознание нуждаются в вере в Бога, при этом для религии Бог стоит в начале всякого размышления, а для естествознания – в конце. Для одних Он означает фундамент, а для других – вершину построения любых мировоззренческих принципов...

Куда ни кинь взгляд, мы никогда не встретим противоречия между религией и естествознанием, а, напротив, обнаруживаем полное согласие как раз в решающих моментах».

Макс Планк далеко не одинок в своих взглядах. Сегодня не вызывает удивления появление таких работ, как, например, книга одного из руководителей международной научной программы «Геном человека» Фрэнсиса Коллинза «Доказательство Бога: Аргументы учёного», посвящённая изложению его кредо – «теистическому эволюционизму». Или высказывания биохимика Артура Пикока, который называет космологию, строящуюся на признании Большого взрыва и дальнейшей эволюции Вселенной, «Книгой Бытия для третьего тысячелетия».

Следует признать, что поиск наукой нового мировоззренческого основания идёт не только в направлении христианства. Немало тех, кто, не обращаясь к опыту различения духов, имеющемуся у Церкви, из мрака атеизма идёт на поиски истины в тьму восточных культов или

даже вспоминает о древнем язычестве. Поэтому, конечно, ещё нет перелома, но есть глубокое интуитивное ощущение ограниченности научной истины и недостаточности её для ответа на вопросы о смысле бытия мира, смысле жизни человека, смысле человеческой истории. И главное открытие, которое может сделать учёный, как и всякий другой человек, — обретение в личном опыте знания о том, что Бог «недалеко от каждого из нас» (Деян. 17:27).

«УСЛЫШИТЕ О ВОЙНАХ И О ВОЕННЫХ СЛУХАХ... НЕ УЖАСАЙТЕСЬ»

Есть вопросы, которые убеждённые атеисты задают, хотя и не должны, потому что отрицают бытие Бога. Например, спрашивают они: где Бог, когда бушует война, гибнут люди, беда приходит в каждый дом? Ответы есть, но они не предназначены атеистам. Они открываются тем, кто оказался участником таких событий, будучи верующим человеком, и был потрясён ими настолько, что его вера пошатнулась или совсем обмерла. К ним, пережившим общечеловеческую беду как личную трагедию, потерявшим Бога и вновь Его обретшим, и надо приходиться за ответом.

Великая Отечественная война стала предельным испытанием веры для многих людей. Виктор Астафьев, известный советский писатель, молодым солдатом участвовал в форсировании Днепра. Он остался единственным в живых из своего подразделения. Впоследствии Астафьев описал всё пережитое в романе «Прокляты и убиты». Он

вспоминал, что тогда, достигнув другого берега реки, он взглянул на небо и понял, что там никого нет. Нет Бога. Нет разумной силы, управляющей миром и людьми. Происходившее вокруг разумному объяснению не подлежало.

Войну как молчание Бога пережил Борис Пастернак:

Ты значил всё в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.

И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил.

(«Рассвет»)

На вопрос: «Где Ты был?» — Пастернак получил ответ и ожил. Стихи доктора Живаго в его романе свидетельствуют об этом.

Через войну прошёл и Арсений Тарковский. Выросший в верующей семье, он не потерял веру ни в годы революции, которую не принял, но потом как-то обживался в Советской России, ни из-за препятствий, которые новая власть чинила в его творческой деятельности.

Войну он встретил в возрасте 33 лет. Сразу же подал заявление об отправке на фронт, но его не призвали по состоянию здоровья. Отправив сво-

их близких в эвакуацию, Арсений Александрович летом 1941 г. оставался в Москве. Осенью переехал в Прикамье, в город Чистополье. Здесь его постигла и личная трагедия — смерть поэтессы Марины Цветаевой, с которой его связывали сердечные отношения. Беда, обрушившаяся на Тарковского, потрясла его до глубины души. Он не потерял веру. Его состояние было хуже: он бросил Богу вызов и обвинил Его в жестокости. В это время появляется «Чистопольская тетрадь», сборник стихов, в котором есть такие строки:

Льнут к Господнему порогу
Белоснежные крыле,
Чуть воздушную тревогу
Объявляют на земле.

И когда душа стенает
И дрожит людская плоть,
В смертный город посылает
Соглядатая Господь.

И летит сквозь мрак проклятый,
Сквозь лазурные лучи
Невидимый соглядатай,
Богом посланный в ночи.

Не боится Божье диво
Ни осады, ни пальбы,
Ни безумной, красногривой
Человеческой судьбы.

Ангел видит нас, бездольных,
До утра сошедших в ад,
И в убежищах подпольных
Очи ангела горят.

Не дойдут мольбы до Бога,
Сердце ангела – алмаз.
Продолжается тревога,
И Господь не слышит нас.

Рассекает воздух душный,
Не находит горних роз
И не хочет равнодушный
Божий ангел наших слёз.

Мы Господних роз не крали
И в небесные врата
Из зениток не стреляли.
Мы – тщета и нищета —

Только тем и виноваты,
Что сошли в подпольный ад.
А быть может, он, крылатый,
Перед нами виноват?

(25 октября 1941 г.)

Нестерпимо во гневе караешь, Господь,
Стыну я под дыханьем Твоим,
Ты людскую мою беззащитную плоть
Рассекаешь мечом ледяным.

Вьюжный ангел мне молотом пальцы дробит
На закате Судного дня
И целует в глаза, и в уши трубит,
И снегами заносит меня.

Я дышать не могу под Твоей стопой,
Я вином Твоим пыточным пьян.
Кто я, Господи Боже мой, перед Тобой?
Себастьян, Твой слуга Себастьян.

(18 ноября 1941 г.)

Себастьяном, римским воином времён императора Диоклетиана, ощущал тогда себя Тарковский. Себастьян претерпел страшные мучения за веру, его дважды приговаривали к смертной казни. В первый раз стреляли в него из луков, но юноша остался жив. Потом забили камнями и бросили в сточную канаву.

Своё духовное состояние того периода Арсений Александрович вспоминал до конца жизни, как апостол Пётр, который в какой-то момент проявил малодушие и, испугавшись, отрёкся от Христа. Незадолго до смерти Тарковский написал:

Просыпается тело,
Напрягается слух.
Ночь дошла до предела,
Крикнул третий петух.

Сел старик на кровати,
Заскрипела кровать.
Было так при Пилате.
Что теперь вспоминать.

И какая досада
Сердце точит с утра?
И на что это надо –
Горевать за Петра?

Кто всего мне дороже,
Всех желаннее мне?
В эту ночь – от кого же
Я отрекся во сне?

Крик идёт петушиный
В первой утренней мгле
Через горы-долины
По широкой земле.

(1976 г.)

В декабре 1941 г. Тарковский наконец попадает в действующую армию в качестве работника редакции газеты «Боевая тревога». На фронте ему стало легче. Но вскоре случилась новая беда.

13 декабря 1943 г. в ночном бою под Витебском он был тяжело ранен: в ногу попала разрывная пуля. Его нашли только под утро, отвезли в госпиталь. Там ему ампутировали ногу. Началась

газовая гангрена. Его перевозили из одной медсанчасти в другую, и в каждой отрезали новую часть ноги. Однако омертвевшие ткани всё не восстанавливались. Наконец, через ходатайство Союза писателей Тарковского перевезли в Москву в Институт хирургии, где ещё одну ампутацию провёл профессор Вишневский. Позже Тарковский говорил: «Моя нога – это орган сострадания. Когда я вижу, что у других что-то болит, у меня начинает болеть нога».

В тех предельных испытаниях для Арсения Александровича вера открылась на новой глубине, когда человек ни о чём не спрашивает Бога и только принимает от Него то, что Бог даёт претерпевшему до конца. Об этом он написал в стихотворении «Полевой госпиталь».

Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась,
И видел я себя со стороны:
Я без довесков был уравновешен
Базарной жирной гирей.

Это было

Посередине снежного щита,
Щербатого по западному краю,
В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами
И железнодорожных полустанков

С расколотыми черепами, чёрных
От снежных шапок, то двойных, а то
Тройных.

В тот день остановилось время,
Не шли часы, и души поездов
По насыпям не пролетали больше
Без фонарей, на серых ластвах пара,
И ни вороньих свадеб, ни метелей,
Ни оттепелей не было в том лимбе,
Где я лежал в позоре, в наготе,
В крови своей, вне поля тяготенья
Грядущего.

Но сдвинулся и на оси пошёл
По кругу щит слепительного снега,
И низко у меня над головой
Семёрка самолётов развернулась,
И марля, как древесная кора,
На теле затвердела, и бежала
Чужая кровь из колбы в жилы мне,
И я дышал, как рыба на песке,
Глотая твёрдый, слюдяной, земной,
Холодный и благословенный воздух.
Мне губы обметало, и ещё
Меня поили с ложки, и ещё
Не мог я вспомнить, как меня зовут,
Но ожил у меня на языке
Словарь царя Давида.

А потом

И снег сошёл, и ранняя весна

На цыпочки привстала и деревья
Окутала своим платком зелёным.

Тарковский был перенесён через пропасть, и на другом берегу в нём открылся пророческий дар, он обрёл новый язык поэзии. Но сначала были 17 лет внешнего молчания. Это время, когда рождались стихи из той глубины, где снова встретились Бог и человек. В 1962 г., когда поэту исполнилось 57 лет, в свет вышел первый сборник его стихов. Среди них такие, как «Посредине мира».

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звёзд.
Я между ними лёг во весь свой рост –
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.
Я Нестор, летописец мезозоя,
Времён грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое клянущий, как нищий царь.
Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого – самое живое.
И – Боже мой! – какой-то мотылёк,
Как девочка смеётся надо мною,
Как золотого шёлка лоскуток.

Война – это наказание Божие за вину народа, которое ложится на всех, в том числе и на невиновных. Как принять это от справедливого Бога, где найти Его среди царящей несправедливости? Астафьев, Пастернак, Тарковский и такие, как они, искали ответа на этот вопрос всегда, потому что народные бедствия наполняют всю историю человечества.

Среди наших, точнее, услышавших ответ, был пророк Аввакум, живший в VII в. до Рождества Христова. Библейская книга пророка Аввакума да послужит укреплением для тех, кто имеет веру в Бога, но смущён тем, что происходит вокруг: царящей несправедливостью, видимым торжеством зла и кажущимся молчанием Господа.

Имя пророка символично: Аввакум значит «объятие», «обхватывание». Аввакум – пророк, заключивший в свои объятия страшное бремя, непосильный груз тягостных вопросов, на которые у человека нет ответа.

Время жизни Аввакума – преддверие исторической катастрофы Иудеи. Иудея погрязла в грехах, отступила от Закона Божия. Суд Божий был неизбежен. Неотвратимость наказания Аввакуму понятна. Он и сам вопрошает Господа, почему Бог медлит: «Доколе, Господи, я буду взывать к Тебе, и Ты не слышишь, буду вопиять к Тебе о насилии, и Ты не спасешь?» (Авв. 1:2).

И Бог открывает Аввакуму, как Он накажет Иудею за все её беззакония. Бог совершит наказание

через войну: «Я сделаю во дни ваши такое дело, которому вы не поверили бы, если бы вам рассказали. Ибо вот, Я подниму Халдеев, народ жестокий и необузданный, который ходит по широтам земли, чтобы завладеть не принадлежащими ему селениями. Страшен и грозен он; от него самого происходит суд его и власть его. Быстрее барсов кони его и прытче вечерних волков; скачет в разные стороны конница его; издалека приходят всадники его, прилетают как орел, бросающийся на добычу. Весь он идет для грабежа; устремив лицо свое вперед, он забирает пленников как песок. И над царями он издевается, и князья служат ему посмешищем; над всякой крепостью он смеется: насыплет осадный вал и берет ее. Тогда надмевается дух его, и он ходит и буйствует; сила его — бог его» (Авв. 1:5–11).

Перед мысленным взором Аввакума встаёт страшная картина: Иудея будет разгромлена халдеями, то есть Вавилоном, Иерусалим падёт, храм Господень превратится в груды развалин, народ лишится своего Отечества и будет уведён в плен. Неисправляющуюся Иудею начнёт учить народ чужой, языческий. Внутренняя неправда будет исправляться извне. Халдеи — бич в руках Божиих. Так сделает Бог.

Аввакум потрясён, он не понимает замысла Божия, у него возникает множество вопросов. Ему кажется, что наказание иудеев — народа Божия — несоразмерно его преступлениям. Ему, как и

нам, хотелось бы, чтобы правосудие избирательно постигало только виновных, и чтобы оно совершалось исключительно людьми в «белых перчатках». А оно приходит от народа жестокого и необузданного, который мчится не правду наводить, а лишь завладеть не ему принадлежащими селениями. Ведь халдеи грешнее иудеев?

Аввакум, как и мы, даже дерзает говорить Богу, что Бог не может так поступить, потому что сейчас Он не такой, каким мы Его себе представляем. Пророк напоминает Богу, каков Он и, значит, каковы должны быть Его деяния в творении суда. Святой Бог не может допустить мерзость запустения, грозящую народу Божию от язычников.

Бог отвечает Аввакуму, потому что пророк, в отличие от нас, не обвиняет, он ищет опоры, он весь превратился в слух, открытый Богу: «На стражу мою стал я и, стоя на башне, наблюдал, чтобы узнать, что скажет Он мне, и что мне отвечать по жалобе моей. И отвечал мне Господь» (Авв. 2:1).

Бог велит Аввакуму записать то, что Он сейчас скажет, на скрижалях, как у Моисея, то есть это будет сказано на все времена. Слово Божие не обманет, хотя бы и замедлило достигнуть слуха человека. Тот, кто суетится, ищет быстрых ответов, требует их от Господа здесь и сейчас, — надменный человек. Он раздувается в самомнении, имеет претензии к Господу, всё время цапается с Ним, как об этом писал С. Есенин:

«Не молиться Тебе, а лаяться
Научил Ты меня, Господь».

Наше надменное, никогда не успокаивающееся сердце требует, чтобы Бог оправдывался перед нами, наводил порядок так, как мы этого хотим. Не таков праведник: «Душа надменная не успокоится, а праведный своею верою жив будет» (Авв. 2:4).

«Праведный своею верою жив будет» — это важнейшие слова не только Ветхого, но и Нового Завета. Их неоднократно повторял апостол Павел (Рим. 1:17; Гал. 3:11; Евр. 10:38). Их повторяют и ими живут праведные всех времён, вовлечённые в беды и несчастья всемирной истории.

Но ведь эти слова не являются прямым ответом на вопрошание Аввакума. Что же он, как и мы, должен был из них понять? Человек смотрит на небо и ждёт ответа от Бога на свои недоумения и жалобы. Бог пока молчит. Поэтому сейчас надо заглядывать не на небо, а в себя, услышать не глас с неба, а биение своего сердца. Готово ли оно жить верою?

Вера всецело доверяет Богу, возлагает надежду на Него. Праведник верою жив будет. Верою, а не видением и анализом увиденного, верою, а не экспертными прогнозами. Парадокс веры праведника в том, что среди царящего вокруг зла и беззакония он не сомневается в Боге, доверяет Ему и твёрдо знает, что везде и всегда через видимое

торжество неправды восторжествует и уже совершается невидимая правда Божия. Будь спокоен. Всякий делает своё дело. Бог делает своё, а ты делай своё, будь праведен и не взыскуй Божие.

Аввакум понял и принял сказанное в сердце. Он больше не спрашивает Господа о Его замысле, о том, восторжествует ли правда, и будет ли зло наказано прямо на наших глазах. Он готов жить верою. И только тогда его успокоившемуся сердцу Бог открывает смысл происходящего. Да, чашу гнева своего Бог даёт в руки кого-либо. Но тот, через кого идёт наказание, примешивает в эту чашу свою злобу и поэтому горе ему. Эта чаша обратится на посрамление славы его, которую он приписал себе. А наказание Божие прекратится сразу же, когда наказуемый вразумится, покается и исправится. Наказание Божие — это не месть, это «указание на».

Праведники разделяют общую беду народа за общие его грехи. Господь даёт им быть уведёнными в плен беды, для того, чтобы они указали путь выхода из плена покаявшемуся народу.

Услышав всё, Аввакум покидает сторожевую башню. Он не спрашивает больше Бога: «Где Ты, когда всё так прискорбно?» Не спрашивает, потому что знает, где Бог, и идёт туда, где Бог — он идёт в храм. И здесь звучит песнь Аввакума, песнь праведника, который верою жив (Авв. 3). Он молится и поёт, и жива душа его этим. Он познал: важно не то, чтобы ты обязательно получил ответ

от Бога. Может ведь случиться и так: когда есть ответы, Бог не очень-то и востребован. Важнее, что Бог рядом, и ты это знаешь, хотя Он и молчит сейчас. Песнь пророка Аввакума стала песнью странствующей в этом скорбном мире Церкви.

Человек на земле слышит только себя и свою собственную боль. Аввакуму дано было услышать то, что слышит Бог. Пророк услышал и убоился. Страшно слышать то, что слышит Бог. И если услышишь, у тебя не остаётся никакого иного прошения, как только прошения о милости: «Господи! Услышал я слух Твой и убоился, Господи! Соверши дело Твое среди лет, среди лет яви его; во гневе вспомни о милости» (Авв. 3:1). И открыто было Аввакуму, что милость Божия грядёт.

В 1941 г. пришла к нам самая страшная за всю историю человечества война. Жестокий и необузданный народ вторгся на нашу землю с одной целью – захватить не своё. Многие сначала потеряли Бога и не знали, где Его искать в этих страшных событиях. Но скоро поняли – искать Его нужно в Церкви. Церковь знала, за что нам всё это. Слухом Господним она слушала то, что сотворили мы в годы революции и после неё. Вместе со всем народом она пошла в богоборческий плен, претерпела мучения, сохранила веру. И когда настали грозные испытания, Церковь не помянула ни обид, ни ран, нанесённых ей. С первых же дней войны она молилась:

«Господи Боже сил, Боже спасения нашего, Боже, творяй чудеса един. Призри в милости и щедротах на смиренныя рабы Твоя и человеколюбно услыши и помилуй нас: се бо врази наша собращася на ны, во еже погубити нас и разорити святыни наша. Помози нам, Боже, Спасителю наш, и избави нас, славы ради имени Твоего, и да приложатся к нам словеса, реченная Моисеем к людем Израильским: дерзайте, стойте и узрите спасение от Господа, Господь бо поборет по нас.

Ей, Господи Боже, Спасителю наш, крепосте и упование и заступление наше, не помяни беззаконий и неправд людей Твоих и не отвратися от нас гневом своим, но в милости и щедротах Твоих посети смиренныя рабы Твоя, ко Твоему благоутробию припадающия: востани в помощь нашу и подаждь воинству нашему о имени Твоем победити; а имже судил еси положити на брани души своя, тем прости согрешения их, и в день праведного воздаяния Твоего воздай венцы нетления. Ты бо еси заступление и победа и спасение уповающим на Тя и Тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь».

И мы, сегодняшние вопрошатели о судах Божиих, примем слово Его: «Услышите о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец» (Мф. 24:6). И «праведный верою своею жив будет».

НОМО PATIENS – ЧЕЛОВЕК СТРАДАЮЩИЙ

Учебники по обществознанию, говоря о человеке, дают ребятам давно введённое в оборот определение – человек есть homo sapiens (человек разумный). Его автор – учёный-естественник XVIII в. Карл Линней. Позже появились и другие определения, например: homo faber – человек создающий (молодые предпочитают говорить «креативный») и даже homo amans (человек любящий). Красивые определения, импонирующие юным ученикам, которые живут достаточно комфортно, спокойно, получают образование, думают о жизненных перспективах.

Новое определение человеку дал известный психолог Виктор Франкл. Он предложил назвать человека – homo patiens – человек страдающий. Таким человека знает история с того момента, как она началась, то есть за пределами потерянного в грехопадении рая. Двадцатый век, принёсший страдания миллионам людей, лишь заострил проблему для верующего сознания: «если есть Бог, почему страдает человек?»

Всегда находились те, кто хотел логически поиграть этой темой. Например, Иван Карамазов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Он попытался втянуть своего верующего брата Алёшу в обсуждение смысла невинного страдания, о «слезе ребёнка». Его рассуждения о категорическом несогласии с принятием даже только одной мысли о том, что с невинным страданием можно смириться, чтобы «купить вечную гармонию», и что такая высшая гармония «не стоит слезинки хотя бы только одного замученного ребёнка», а потому он, Иван Карамазов, спешит возвратить Богу свой входной билет в эту высшую гармонию, — эти его рассуждения кажутся логически безупречными. Но есть одна незадача: Иван, рассуждающий о жестоком Боге и неприемлемой вечной гармонии, сам — не только человек неверующий, то есть несведущий в том, о чём пытается рассуждать. Он ещё и хладнокровный и расчётливый инициатор убийства своего отца чужими руками. Чего тогда стоит его безупречная логика в вопросе, ответ на который можно дать только изнутри страдания? И Алёша это понимает. Он знает, что **внутри страдания** человек может встретить Того, Кто Сам отдал неповинную кровь за всех и за вся. И только Он, Невинный Страдалец, может открыть страдающему человеку непостижимый для внешнего наблюдателя смысл страдания.

Неужели в страдании может быть смысл? Виктор Франкл, давший человеку определение *homo patiens*, начал задумываться об этом задолго до постигших его самого испытаний. Сначала он захотел научиться на практике оказывать помощь тем, кто отчаялся из-за проблем, по масштабам не сопоставимым с решением уйти из жизни. Например, подросткам, провалившим учёбу. Со временем Франкл стал основателем целого направления в психологии, названным им логотерапией или смыслотерапией.

Человек не ищет страдания, если возможно, бежит от него. Но когда страдание настагает человека (а мимо него не пройдёт никто), именно в страдании наиболее полно и глубоко человеку раскрывается смысл жизни, потому что страдания способствуют выявлению самых лучших его духовных и нравственных качеств. *Homo faber* — это практик, который оперирует в основном двумя категориями: успех и неудача, и, следовательно, оценивает свою жизнь по горизонтальной шкале. *Homo patiens*, напротив, балансирует между внутренней гармонией и отчаянием и оценивает свою жизнь по вертикальной шкале, в которой на высшей ступени находится Бог.

Свою книгу «Человек в поисках смысла» Виктор Франкл замыслил ещё до своего ареста. Он был арестован немцами в 1942 г. и вместе со своей семьёй отправлен в лагерь Терезиенштадт. Там

умер его отец. Затем был Освенцим. Здесь в газовых камерах погибли его мать и брат. Позже от тифа умерла его жена.

Три года Франкл пробыл в разных лагерях. Последним стал лагерь Дахау, откуда он вместе с оставшимися в живых был освобождён американскими войсками 27 апреля 1945 г.

Находясь в нечеловеческих условиях, каждый день между жизнью и смертью, Франкл на практике испытал действенность своего подхода и на себе, и на своих братьях по страданию. Опыт, получаемый изнутри страдания, он стал фиксировать на клочках бумаги ещё в лагерях. Через девять месяцев после освобождения появилась его книга «Сказать жизни “Да!”. Психолог в концлагере».

«Я сказал своим сотоварищам, что человеческая жизнь в любых условиях никогда не становится лишённой смысла. И что этот безграничный смысл жизни лишь включает страдания, умирание, лишения и смерть... Безднадёжность борьбы не умаляет её достоинства и смысла. Я сказал, что в трудные минуты кто-нибудь смотрит на нас: друг, жена, близкий нам человек, живой или усопший, или Бог, и ожидает, что мы не разочаруем его».

В лагере, глядя на страдания и мучения сокамерников, Франкл часто вспоминал слова Достоевского, прошедшего через каторгу: «Я боюсь лишь одного — оказаться недостойным моих мучений».

Он был убеждён, что у человека нельзя отнять до последнего его вздоха духовную свободу и, значит, наполнять жизнь смыслом. Для большинства заключённых главным был вопрос: «переживу ли я лагерь?» Франкла неотступно преследовало другое: имеет ли смысл само страдание, когда кругом витает смерть? Если весь смысл жизни в том, сохранит человек её или нет, если он всецело зависит от воли случая, такая жизнь в сущности и не стоит того, чтобы жить.

Лагерь вытаскивает из глубины души всё, что свойственно человеку, весь сплав добра и зла. И даже в лагере рубеж между добром и злом различим в человеке. «Так что такое — человек?» — спрашивал Франкл. И отвечал: человек — это существо, которое всегда решает: кто он? Существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти камеры с молитвой на устах. У человека можно отнять всё, кроме одного, отнестись к этому так или иначе.

И ещё Франкл отметил, что более всего выживающими в лагерях были религиозные люди. Они даже умудрялись как-то служить в углу барака или в скотском вагоне при возвращении с работ. Он сам был глубоко верующим человеком. Пройдя через все испытания, Виктор Франкл не потерял Бога, и в Нём нашёл смысл жизни, которая не ограничивается тем, что здесь и сейчас переносит человек.

С ним во многом мог бы поспорить другой сиделец. Место его мучений – лагерь на Колыме. О себе говорил, что он неверующий, хотя и родился в семье священника. Страшный опыт пребывания во аде, сотворённом человеческими руками, описал в «Колымских рассказах», увидевших свет в нашей стране только после смерти автора. Его имя – Варлам Тихонович Шаламов.

Отец Варлама Шаламова – священник. Ещё в юные годы Варлам сознательно отошёл от веры. Во многом причиной тому был жёсткий характер отца, который к тому же увлекался широкой публичной деятельностью, что было чуждо Варламу. В пику своему отцу Варлам даже сменил данное ему при крещении имя – Варлаам, убрав из него одну букву. Здесь была ясная отсылка к библейскому Авраму ставшему Авраамом. Только Шаламов всё сделал в обратном порядке.

Осуждая отца за публичную деятельность, Варлам Шаламов сам быстро втянулся в неё. Свой первый срок он получил за участие в распространении так называемого «завещания Ленина», запрещённого к публикации. Шаламов был обвинён в троцкистской деятельности и в 1937 г. осуждён на пять лет, три из которых отбывал на Урале, потом был переведён на Колыму. Там срок неоднократно продлевали. Когда их везли на новое место заключения, бывалые сидельцы говорили, что дорога на Колыму – это дорога в ад.

Здесь всё, как в Библии, простое –
Сырая глина, ил и грязь.
Здесь умереть, пожалуй, стоит,
Навек скульптурой становясь.
Пусть каждый выглядит Адамом,
Ещё не заведённым в рай.
Пусть никаким Прекрасным Дамам
Не померещится наш край.
И прост ответ на те вопросы,
Что даже ставились с трудом,
Как стать холмом или торосом,
Человекоподобным льдом.
Весь мир в снегу в пурге осенней.
Взгляни: на жизни нет лица.
И не обещано спасенье
Нам, претерпевшим до конца.

В этом аду Шаламов пробыл семнадцать лет. «Колымские рассказы» отличаются от остальной лагерной прозы. Это не повести, не роман. Пространственные формы повествования для Шаламова были не совместимы с самоощущением человека в аду, где даже сутки иногда казались слишком большими для того, чтобы воспринимать их как естественный отрезок времени, которым человек измеряет свою жизнь. В рассказах нет нарочитого ужаса, достигаемого художественными приёмами. Напротив, они максимально лишены эмоций, сухи, лаконичны. И в этом заключена глубокая

правда, которая сама по себе настолько страшна, что не нуждается ни в каком художественном усилении.

«Колымские рассказы» — это не просто сборник рассказов и очерков. Хотя каждый рассказ самостоятелен, но все вместе они представляют размышления автора о том, что лагерь открыл нового в знании о человеке. Эти размышления можно назвать «лагерной антропологией» Варлама Шаламова.

Шаламов, с глубоким уважением относившийся к творчеству Достоевского, был не согласен с ним, считавшим, что есть нечто положительное для человека от его пребывания в «Мёртвом доме» с точки зрения становления личности. Шаламов считал иначе:

«Лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто оттуда не вынесет, ни сам заключённый, ни его начальник, ни его охрана... Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута. Там много такого, чего человек не должен знать, а если видел — лучше ему умереть».

В лагере Шаламов прошёл то, что воспринимал как бессмысленное страдание. Он спрашивал себя: сохранит ли обычный человек хоть что-то человеческое, если его поставить в абсолютно нечеловеческие условия? Каковы границы человеческого в человеке, его возможности, в чём его сила и слабость?

«Лагерь был великой пробой нравственных сил человека, обыкновенной человеческой морали, и 99% этой пробы не выдерживали. Те, кто выдерживал, умирали вместе с теми, кто не выдерживал, стараясь быть лучше всех, твёрже всех только для самих себя».

Лагерь стал великим экспериментом растления человеческих душ. Шаламов рассказывал, как очень быстро в человеке, попавшем в лагерные условия, отмирали высшие нравственные силы и как будто просыпалось звериное начало.

«Все человеческие чувства – любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания. В том незначительном мышечном слое, что ещё оставался на наших костях, размещалась только злоба – самое долговечное человеческое чувство».

Религиозность не зарождалась в кошмаре лагеря. Более того, считал Шаламов, когда идёт жестокая ежеминутная борьба за существование, малейшая мысль о Боге, о ТОЙ жизни ослабляет волю, которой ожесточившийся зек цепляется за жизнь ЭТУ.

Себя Шаламов называл человеком нерелигиозным и отвергал попытки других дать ему опору в вере. Об этом его рассказ «Необращённый». Действие происходит в лагерном лазарете, куда Ша-

ламов попал как доходяга, близкий к смерти. При росте 180 см он весил 48 кг. Здесь его вывели и даже оставили в качестве фельдшера. Это спасло ему жизнь. Вот отрывок из рассказа:

«Для курсанта фельдшерских курсов попасть на практику в третье терапевтическое отделение было большой честью. Третьим отделением руководила Нина Семёновна – бывший доцент кафедры диагностической терапии Харьковского медицинского института.

Только два человека, два курсанта из тридцати могли проходить месячную практику в третьем терапевтическом отделении.

Практика, живое наблюдение за больными – ах, как это бесконечно далеко от книги, от “курса”. Медиком нельзя стать по книгам – ни фельдшером, ни врачом.

В третье отделение пойдут только двое мужчин – я и Бокис.

– Двое мужчин? Почему?

Нина Семёновна была сгорбленная зеленоглазая старая женщина, седая, морщинистая, недобрая.

– Двое мужчин? Почему?

– Нина Семёновна ненавидит женщин.

– Ненавидит?

– Ну, не любит. Словом, двое мужчин. Счастливицы. Староста курсов, Муза Дмитриевна, привела меня и Бокиса перед зелёные очи Нины Семёновны.

– Вы давно здесь?

– С тридцать седьмого.

– А я – с тридцать восьмого. На “Эльгене” была сначала. Триста родов там приняла, а до “Эльгена” роды не принимала. Потом война – муж у меня погиб в Киеве. И двое детей. Мальчики. Бомба.

Вокруг меня умерло больше людей, чем в любом сраженьи войны. Умерло без всякой войны, до всякой войны. И всё же. Горе бывает разное, как и счастье.

Нина Семёновна села на койку больного, отвела одеяло.

– Ну, начнём. Берите в руки стетоскоп, приставьте к груди больного и слушайте... Французы слушают через полотенце. Но стетоскоп – вернее, надежней всего. Я не поклонница фонендоскопов, врач-барин пользуется фонендоскопом – ему лень нагнуться к больному. Стетоскоп... То, что я показываю вам, вы не найдёте ни в одном учебнике. Слушайте.

Скелет, обтянутый кожей, покорно выполнял команду Нины Семёновны. Выполнял и мои команды.

– Слушайте этот коробчатый звук, этот глухой отенок. Запомните его на всю жизнь, как и эти кости, эту сухую кожу, этот блеск в глазах. Запомните?

– Запомню. На всю жизнь.

– Помните, какой звук был вчера? Слушайте больного снова. Звук изменился. Описывайте всё это – записывайте в историю болезни. Смело. Твёрдой рукой.

В палате было двадцать больных.

– Интересных больных сейчас нет. А то, что вы видели, – это голод, голод и голод. Садитесь слева.

Вот сюда, на моё место. Берите больного левой рукой за плечи. Твёрже, твёрже. Что слышится?

Я рассказывал.

– Ну, пора обедать. Идите, вас покормят в раздатке.

* * *

Нина Семёновна жила в отделении, в комнате, называемой на Колыме “кабинкой”. Никто никогда, кроме хозяйки, не входил туда. Убирала и подметала пол хозяйка сама. Мыла ли она сама пол – не знаю. В открытую дверь была видна жёсткая, плохо застеленная койка, больничная тумбочка, табуретка, белёные стены. Был ещё кабинетик рядом с кабинкой, только дверь открывалась в палату, а не в сени. В кабинетике – стол вроде письменного, две табуретки, кушетка.

Всё было так, как и в других отделениях, и чем-то непохоже: цветов, что ли, здесь не было – ни в кабинке, ни в кабинетике, ни в палате. А может быть, строгость Нины Семёновны, её безулыбчатость виновата? Тёмно-зелёным, изумрудным огнём её глаза вспыхивали как-то невпопад, не к месту. Глаза вспыхивали без связи с разговором, с делом. Но глаза жили не сами по себе – а жили вместе с чувствами и мыслями Нины Семёновны.

* * *

– Зайдите ко мне в кабинет.

Я вошёл.

– У меня есть книжка для вас.

Нина Семёновна порылась в ящике стола и до-

стала книжку, похожую на молитвенник.

– Евангелие?

– Нет, не Евангелие, – медленно сказала Нина Семёновна, и зелёные глаза её заблестели. – Нет, не Евангелие. Это – Блок. Берите. – Я взял в руки благоговейно и робко грязно-серый томик малой серии “Библиотеки поэта”. Грубой, ещё приисковой кожей отмороженных пальцев моих провёл по корешку, не чувствуя ни формы, ни величины книги. Две бумажных закладки были в томике.

– Прочтите мне вслух эти два стихотворения. Где закладки.

– “Девушка пела в церковном хоре”. “В голубой далёкой спальне”. Я когда-то знал наизусть эти стихи.

– Вот как? Прочтите.

Я начал читать, но сразу забыл строчки. Память отказывалась “выдавать” стихи. Мир, из которого я пришёл в больницу, обходился без стихов. В моей жизни были дни, и немало, когда я не мог вспомнить и не хотел вспоминать никаких стихов. Я радовался этому, как освобождению от лишней обузы – ненужной в моей борьбе, в нижних этажах жизни, в подвалах жизни, в выгребных ямах жизни. Стихи там только мешали мне.

– Читайте по книжке.

Я прочёл оба стихотворения, и Нина Семёновна заплакала.

– Вы понимаете, что мальчик-то умер, умер. Идите, читайте Блока.

Я с жадностью читал и перечитывал Блока всю ночь, всё дежурство. Кроме “Девушки” и “Голубой спаленки”, там были “Заклятье огнём и мраком”, там были огненные стихи, посвящённые Волоховой. Эти стихи разбудили совсем другие силы. Через три дня я вернул Нине Семёновне книжку.

– Вы думали, что я вам даю Евангелие. Евангелие у меня тоже есть. Вот... Похожий на Блока, но не грязно-голубой, а тёмно-коричневый томик был извлечён из стола. – Читайте апостола Павла. К коринфянам... Вот это.

– У меня нет религиозного чувства, Нина Семёновна. Но я, конечно, с великим уважением отношусь...

– Как? Вы, проживший тысячу жизней? Вы – воскресший?... У вас нет религиозного чувства? Разве вы мало видели здесь трагедий?

Лицо Нины Семёновны сморщилось, потемнело, седые волосы рассыпались, выбились из-под белой медицинской шапочки.

– Вы будете читать книги... журналы.

– Журнал Московской патриархии?

– Нет, не Московской патриархии, а оттуда... Нина Семёновна взмахнула белым рукавом, похожим на ангельское крыло, показывая вверх... Куда? За проволоку зоны? За больницу? За ограду вольного посёлка? За море? За горы? За границу? За рубеж земли и неба?..

– Нет, – сказал я неслышным голосом, холодея от внутреннего своего опустошения. – Разве из человеческих трагедий выход только религиозный? – Фразы

ворочались в мозгу, причиняя боль клеткам мозга. Я думал, что я давно забыл такие слова. И вот вновь явились слова – и главное, повинуюсь моей собственной воле. Это было похоже на чудо. Я повторил ещё раз, как бы читая написанное или напечатанное в книжке: – Разве из человеческих трагедий выход только религиозный?

– Только, только. Идите.

Я вышел, положив Евангелие в карман, думая почему-то не о коринфянах, и не об апостоле Павле, и не о чуде человеческой памяти, необъяснимом чуде, только что случившемся, а совсем о другом. И, представив себе это “другое”, я понял, что я вновь вернулся в лагерный мир, в привычный лагерный мир, возможность “религиозного выхода” была слишком случайной и слишком неземной. Положив Евангелие в карман, я думал только об одном: дадут ли мне сегодня ужин».

Так что же, Шаламов, ещё в молодости охладевший в вере, пройдя ад лагерей, стал убеждённым атеистом? Нет. На самом деле он искал и находил в солагерниках то, что при всех обстоятельствах оставалось неуничтожимым, «последнее», неподвластное мучителям, некий невидимый бастион, за которым в душе страдальца хранилось самое ценное, заветное. Это «самое последнее» помогало цепляться за жизнь, которую так упорно отнимали. Здесь проходил крайний рубеж обороны, отступив

на который, человек был готов принять последний смертный бой. Здесь сберегались остатки своего человеческого достоинства. И это «последнее» всегда было связано с добром. Эти «атомы добра» – неуничтожимые осколки образа Божия в человеке. Они служили точкой приложения духовных сил для настойчивого утверждения права жить достойно человека. И сам Шаламов вступался за других, помогал, где мог. Самыми же нестигаемыми оказывались верующие: «Более достойных людей, чем религиозники, в лагерях я не видел».

Шаламов повсюду искал символы вечной жизни, надеясь, что, если он их найдёт, значит есть Господь, и Он выведет его из этого ада. Такое свидетельство чуда Божия описано в рассказе «Воскрешение лиственницы». С Колымы Шаламов послал Надежде Яковлевне Мандельштам, супруге поэта Осипа Мандельштама, погибшего где-то в этих краях, сухую ветку лиственницы.

«Человек на Дальнем Севере ищет выхода своей чувствительности – не разрушенной, не отравленной десятилетиями жизни на Колыме. Человек посылает авиапочтой посылку: не книги, не фотографии, не стихи, а ветку лиственницы, мёртвую ветку живой природы.

Этот странный подарок, иссушенную, продутую ветрами самолётов, мятую, изломанную в почтовом вагоне, светло-коричневую, жёсткую, костистую се-

верную ветку северного дерева ставят в воду. Ставят в консервную банку, налитую злой хлорированной обеззараженной московской водопроводной водой, водой, которая сама, может, и рада засушить всё живое, – московская мёртвая водопроводная вода.

Лиственницы серьёзной цветов. В этой комнате много цветов, ярких цветов. Здесь ставят букеты черёмухи, букеты сирени в горячую воду, расщепляя ветки и окуная их в кипяток. Лиственница стоит в холодной воде, чуть согретой. Лиственница жила ближе к Чёрной речке, чем все эти цветы, все эти ветки – черёмухи, сирени. Это понимает хозяйка. Понимает это и лиственница.

Повинуясь страстной человеческой воле, ветка собирает все силы – физические и духовные, ибо нельзя ветке воскреснуть только от физических сил: московского тепла, хлорированной воды, равнодушной стеклянной банки. В ветке разбужены иные, тайные силы.

Проходит три дня и три ночи, и хозяйка просыпается от странного, смутного скипидарного запаха, слабого, тонкого, нового запаха. В жёсткой деревянной коже открылись и выступили явственно на свет новые, молодые, живые ярко-зелёные иглы свежей хвои.

Лиственница жива, лиственница бессмертна, это чудо воскрешения не может не быть – ведь лиственница поставлена в банку с водой в годовщину смерти на Колыме мужа хозяйки, поэта.

Даже эта память о мёртвом тоже участвует в оживлении, в воскрешении лиственницы.

Этот нежный запах, эта ослепительная зелень – важные начала жизни. Слабые, но живущие, воскрешённые какой-то тайной духовной силой, скрытые в лиственнице и показавшиеся на свет.

Запах лиственницы был слабым, но ясным, и никакая сила в мире не заглушила бы этот запах, не потушила этот зелёный свет и цвет.

* * *

Лиственница источала, именно источала запах, как сок. Запах переходил в цвет, и не было между ними границы.

Лиственница в московской квартире дышала, чтобы напоминать людям их человеческий долг, чтобы люди не забыли миллионы трупов – людей, погибших на Колыме.

Слабый настойчивый запах – это был голос мёртвых.

От имени этих мертвецов лиственница и осмеливалась дышать, говорить и жить.

Для воскрешения нужна сила и вера. Сунуть ветку в воду – это далеко не всё. Я тоже ставил ветку лиственницы в банку с водой: ветка засохла, стала безжизненной, хрупкой и ломкой – жизнь ушла из неё. Ветка ушла в небытие, исчезла, не воскресла. Но лиственница в квартире поэта ожила в банке с водой».

Варлам Тихонович Шаламов после семнадцати лет пребывания там, где всё было против жизни,

вернулся как воскресший из ада, живой. И он точно знал, благодаря Кому он остался жив.

Я видел всё: песок и снег,
Пургу и зной.
Что может вынести человек –
Всё пережито мной.
И кости мне ломал приклад,
Чужой сапог.
И я побился об заклад,
Что не поможет Бог.
Ведь Богу, Богу-то зачем
Галерный раб?
И не помочь ему ничем,
Он истощён и слаб.
Я проиграл своё пари,
Рискуя головой.
Сегодня – что ни говори,
Я с вами – и живой.

Да, были имевшие и потерявшие веру, их было много, очень много. Но были и те, кто веру не потерял. А также были те, кто, не имея веры, обрёл её там, где замолкает человеческая логика, – в личном страдании. И когда она замолкала, в душе человека начинал говорить Сын Божий, ставший Номо Ратиенс, Человеком Страдающим и через Своё страдание входящим в страдание каждого, чтобы претворить его в воскресение – победу вечной жизни над временною смертью.

УРОК ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА (вместо заключения)

Человек учится жизни, либо слушая мудрых, либо на собственных ошибках. Лучше учиться у мудрых. Тема «человек и Бог» в учебниках «Обществознание» начинается в шестом и продолжается до десятого класса. Преподаватель, конечно, должен сам справляться с раскрытием этой темы. Но можно на один урок в старших классах пригласить мудрого человека, который знает тему глубоко, имеет личный опыт и нашёл слова, чтобы о нём рассказать. Тогда это будет урок от первого лица.

Кого пригласить? Например, Гавриила Романовича Державина. Известный русский поэт XVIII в. написал много замечательных произведений. Но несомненно, вершиной его творчества стала ода «Бог». Исполненная высочайшим вдохновением, она в то же время абсолютно точна в словах, которыми поэт выражает невыразимую тайну — тайну человека, которому Бог открывает Себя.

Итак, урок.

Учитель. Ребята, у нас сегодня самая сложная тема всего курса «Обществознание» – «Человек и Бог». На эту тему написаны тысячи богословских, философских, художественных текстов. Но среди них есть произведение, признанное всеми – ода «Бог» Гавриила Романовича Державина. Автор говорит от первого лица, это значит, он имел опыт личного предстояния перед Богом живым. И то, что открылось ему, поэт не мог утаить и удержать в себе, как когда-то ветхозаветный пророк Иеремия: «Но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог» (Иер. 20:9). Пусть он сам расскажет историю написания оды.

Державин. Стихи я начал писать достаточно поздно – в 30 лет. В моё время поэтические труды не являлись источником доходов, поэтому я служил и по военной, и по гражданской линии. Служба отнимала много душевных сил, а без них сочинение стихов невозможно. Но однажды источником необыкновенного вдохновения для меня стала пасхальная служба.

Это случилось в 1780 г. Мне тогда исполнилось 37 лет – половина моей земной жизни. Я был на ночной пасхальной службе в дворцовом храме. Когда я вернулся домой, родились первые строки будущей оды:

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трёх Лицах Божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.

Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, –
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Величие Бога Творца приковывало всё внимание души. Известные с детства строки Шестоднева – библейского рассказа о творении мира – оживали настолько ясно, что я говорил не как читатель Священного Писания, но как свидетель происходящего.

Ха́оса бы́тность довреме́нну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рождённу,
В Себе Самом Ты основал:
Себя Собою составляя,
Собою из Себя сияя,
Ты Свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!
Ты цепь существ в Себе вмещаешь,
Её содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнца от Тебя родя́тся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратя́тся, зыблются, сияют,
Так звёзды в безднах под Тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,

Иль вкупе все светя́щи ми́ры —
Перед Тобой — как ночь пред днём.
Как капля, в море опущённа,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая вселённа?
И что перед Тобою я?

Это было моё дерзновенное объяснение в любви к Богу. Но что перед Тобою я, человек? Ты, Бог — Творец вселенной, сотворивший и меня. Кто я, имеющий встать перед Тобой? И что Тебе мои слова? Ода требовала продолжения, но вдохновение ослабевало. Суэта повседневных дел и забот взяла своё. Сколько раз я принимался писать, но не смог. Однако написанное лежало во мне, как лежит в земле семя, которое продолжает жить и тянется на поверхность.

Прошло четыре долгих года. Я, наконец, настолько наполнился желающими родиться строфами, что отодвинул всё в сторону и решился бежать. Жене сказал, что еду посмотреть дела в нашем белорусском поместье. Однако, добравшись до Нарвы, бросил повозку и слуг на постоялом дворе, снял захудалую комнатушку у старой немки и заперся в уединении.

Я писал каждый день, работал до изнеможения, пока сон не валил меня с ног. Утром, едва проснувшись, снова садился за рукопись. Так, в неистовом напряжении всех моих телесных и ду-

шевных сил прошло несколько дней. Труды не пропали даром. Слова, образы, вздымались, словно скалы. И ни в чём не было надсады, во всём полная искренность.

А я перед Тобой – ничто.
Ничто! – Но Ты во мне сияешь
Величием Твоих доброт;
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! – Но жизнь я ощущаю,
Несытым нѣкаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь – конечно, есть и Ты!
Ты есть! – природы чин вещает,
Гласит моё мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духóв небесных
И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,

Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твоё создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие Твое.

Моё признание в любви к моему Богу было закончено. Но душа чувствовала, что нечто осталось невысказанным. Снова была ночь, как в ту Пасху, которая дала начало многолетнему труду. Ближе к рассвету я заснул. Проснулся от того, что сквозь сомкнутые веки увидел яркий свет. Он согрел моё сердце и наполнил его такой благодарностью Богу, что я не выдержал и заплакал. Затеплив масляную лампу, я сел за стол и написал последнюю строфу моей оды.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слёзы лить.

P. S. У учителя обществознания широкий выбор того, кого он может пригласить на урок от первого лица по теме «человек и Бог». Они разные: учёные и писатели, воины и мирные труженики, известные и совсем простые люди. Они разные, но у них есть то, что их объединяет, — **живая вера**, которая открывает им путь общения с **живым Богом**. И всем сомневающимся, колеблющимся, ищущим и пока что не нашедшим Его, они готовы помочь. Только надо их услышать и поучиться у них. Иначе придётся учиться на своих ошибках. Но лучше учиться у мудрых.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НЕНАПИСАННАЯ ГЛАВА (вместо введения)	3
ВЕДАЮТ, ЧТО ТВОРЯТ	7
«ВЕРУЮ, ГОСПОДИ, ПОМОГИ МОЕМУ НЕВЕРИЮ» .	12
ФИЛОСОФСКИЙ АТЕИЗМ	17
НАУЧНЫЙ АТЕИЗМ	23
«УСЛЫШИТЕ О ВОЙНАХ И О ВОЕННЫХ СЛУХАХ... НЕ УЖАСАЙТЕСЬ»	31
НОМО РАТИЕНС – ЧЕЛОВЕК СТРАДАЮЩИЙ . .	47
УРОК ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА (вместо заключения)	66

Протоиерей Сергей Гомаюнов

**ЧЕЛОВЕК И БОГ
В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ
«ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ»**

В помощь учителю

Серия: Обществознание

Технический редактор: В. А. Самылов
Корректоры: Э. Л. Павлова, С. И. Подлевских

Подписано к печати 30.11.22

Формат издания 60x84/8

Бумага офсетная

Гарнитура School

Печать офсетная

Тираж 200

Заказ №

НП «Издательство «Буквица»

E-mail: bukviza04@gmail.com

Отпечатано в ООО «Кировская областная типография»
610004, г. Киров, ул. Ленина, 2, тел. (8332) 38-34-34
www.printkirov.ru